

МАРК АГАТОВ

НОВИЧОК

спецоперация

ФСБ

шпионский роман

Марк Агатов
**НОВИЧОК. Спецоперация
ФСБ. Шпионский роман**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33832016
ISBN 9785449090164*

Аннотация

Спецоперация ФСБ «НОВИЧОК». Эта история началась накануне выборов президента России. В феврале 2018 года в одну из московских больниц был доставлен неизвестный мужчина. Врач скорой заявил, что больного отравили нервно-паралитическим газом «Новичок». Но ему никто не верит. Четыре дня больного лечат от инфаркта, а на пятый он отправляется «в гости» к богу...

Содержание

Журналиста в Москве отравили «Новичком»?	7
Виолончелист в черном смокинге	15
Клиническая смерть	18
Убийство у стены Виктора Цоя	24
Смертельный мандарин	32
Фальшивый музыкант в смокинге	35
«Работает ОМОН!»	41
Убийство в Симферополе	48
ЧП в палате инфарктников	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

НОВИЧОК.

Спецоперация ФСБ

Шпионский роман

Марк Агатов

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2018

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2018

© Марк Агатов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-9016-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАРК АГАТОВ

НОВИЧОК

спецоперация

ФСБ

шпионский роман

Среди героев романа есть реальные люди и придуманные автором. Они носят разные фамилии, имена и могут быть похожими на ваших соседей, сослуживцев, знакомых, политических деятелей и агентов ЦРУ и ФСБ. Но это,

конечно же, не они. И чтобы потом не было ненужных разговоров, жалоб и заявлений в суд, автор официально заявляет, что любые совпадения фамилий, имен, географических названий, фирм, организаций, аэропортов и всего остального, что не попало в этот список, – СЛУЧАЙНЫ.

Журналиста в Москве отравили «Новичком»?

Эта история началась накануне выборов президента России в феврале 2018 года.

По улицам Москвы на огромной скорости под сиреной неслась машина «Скорой помощи». Внутри салона, пристегнутый ремнями к носилкам, лежал мужчина. На вид ему было лет шестьдесят. На крутых поворотах его швыряло из стороны в сторону. Временами он приходил в себя, открывал глаза и пытался что-то сказать, но его никто не слушал. Человек в белом халате сидел рядом с водителем за металлической перегородкой и совсем не интересовался, тем, что происходило в салоне медицинского РАФика. Наконец, «скорая» добралась до приемного отделения 113-й московской больницы. Врач и водитель занесли в помещение, лежащего на носилках мужчину.

– Что с больным? – спросил дежурный врач приемного отделения.

– Отравление, инфаркт под вопросом, – сообщил врач «скорой». – Вас как зовут? Мне записать надо, кто принял

больного.

– Вадим Петрович Кондрашов, – представился доктор. – Кардиограмму делали?

– Нет, мы решили, не теряя времени, отвезти в больницу. Это отравление. Он без сознания.

Медсестра приемного отделения тут же стала снимать кардиограмму.

– И чем его отравили? – проверив пульс, спросил Кондрашов.

– Это нервно паралитический газ VZ из группы «Новичок». Я служил врачом в химвойсках недалеко от Москвы в Ясенево. Приходилось наблюдать такую клинику. Ему срочно нужно ввести антидот. Отправьте кровь в лабораторию «MAKS» на Тверской. Они за два часа сделают анализ.

– Зачем нам «MAKS», у нас есть свои аттестованные лаборатории, – возразил Кондрашов.

– Наши лаборатории не работают с боевыми отравляющими веществами, а «MAKS» – это международная сеть, мировой лидер. Они не только помогут с установкой правильного диагноза, но и назовут антидот, который нужно ввести боль-

ному. Вот, визитка с адресом дежурной лаборатории. Работает круглосуточно, анализы по жизненным показаниям делают бесплатно. Им нужно только направление на проведение анализа из больницы с печатью и подробное описание, того, что произошло с больным.

– А вы у этого «МАКСa» рекламным агентом подрабатываете? – внимательно посмотрел на коллегу Кондрашов.

– Нет, я в армии служил в химвойсках, а специализацию по токсикологии проходил в США.

– У больного проблемы с сердцем, – просмотрев кардиограмму, сообщил врач. – Похоже на острый инфаркт.

– Его надо поместить в реанимацию токсикологии. «Новичок» очень опасный яд. Это все вписывается в симптоматику отравления. Он вызывает сердечную недостаточность, инфаркт миокарда, потерю памяти и психические расстройства.

– У нас здесь одна реанимация для всех. Туда и инфарктников, и отравленных кладут. Это в 57-й больнице в каждом отделении своя реанимация. А здесь работают по старинке, как в СССР. На голую ставку живем! И врачей наших на стажировку в Америку не посылают, и рекламой лекарств мы

не занимаемся! Вам понятно, куда вы попали!?! Это окраина Москвы, и еще один совет. Не морочьте голову врачам реанимации отравлением. Туда напрямую, минуя приемное отделение, кладут только больных с инфарктом и инсультами для оказания специализированной высокотехнологической помощи. Все остальные – в порядке общей очереди. А это значит, что ваш больной «с отравлением» попадет в ту же реанимацию часа через три. Приказ 338. Вопросы есть?

– Нет.

– Счастливого пути, господа. Историю болезни будут заполнять в реанимации. С вас направление и документы больного: паспорт и страховое свидетельство.

– У него нет документов.

– Печально. А родственники у него есть или мобильник с номером телефона любимой жены или внука?

– Мы его на улице подобрали.

В реанимации больной пролежал четверо суток без сознания, потом среди ночи открыл глаза и позвал медсестру.

– Где это я? – спросил мужчина.

– В больнице, – сообщила медсестра, посмотрев на монитор компьютера. – Удивительные вещи творятся. Давление 120 на 80, пульс 60. Кардиограмма в норме, а я уже думала, что вслед за моим мужем пойдешь.

– Куда пойду?

– На тот свет. Его тоже дружки отравили, а ты как огурчик. Пойду врача порадовать. Фамилию назови свою.

– Барский Гарри, – неуверенно произнес мужчина.

– Твоя фамилия Барский? – уточнила медсестра.

– Да.

– А в детстве тебя как звали?

– Не знаю, не помню. Запишите, Барский. Это ничего не изменит. Меня убить хотели.

– И кто тебя хотел убить?

– Бандиты из девяностых. Я их узнал. Они меня из баллончика газом траванули в центре Москвы.

Утром консилиум врачей принял решение перевести больного из реанимации в «инфарктную» палату. Мужчина хотел идти по коридору сам, но его усадили в кресло.

– Вам нельзя ходить, – предупредила медсестра реанимации. – Сердце прихватить может. И вставать с кровати не советую.

В шестиместной палате две кровати были свободны. Одна стояла у самой двери, другая у окна.

– Из окна дует, – сообщил маленький тощий мужичонка, шмыгая носом. – Меня зовут Петухов Василий. А вас?

– Потом поговорим, – чуть слышно произнес мужчина и лег на ту кровать, что стояла у двери.

Через минуту из-за двери послышался женский голос: «Ваш клиент проснулся. Только что его перевели в инфарктную палату. Приезжайте. Какой диагноз? Подозрение на инфаркт. Нет, отравление в реанимации сняли, а инфаркт оставили, чтоб не портить статистику.

Но на этом разговор не закончился. Невидимый собеседник дежурной медсестры с минуту о чем-то говорил, потом она сказала, что «сделает всё, как договаривались» и отклю-

чила мобильник.

Вскоре в палате появилась все та же медсестра из реанимации, на лице ее теперь была маска из белоснежной марли.

– А вы что, тут живете? – удивленно посмотрев на женщину, спросил Барский.

– Я на две ставки работаю. Ночью в реанимации, а днем – в кардиологии.

– А я вас где-то видел раньше.

– Я тоже, ночью, голым, с русской недвижимостью наперевес и катетером в нужном месте, – поддела больного женщина. – Стоит из реанимации выползти, как мужики тут же к медсестрам приставать начинают. В замуж зовут!

– И что в этом плохого? Значит, выздоровел.

– Ну, если выздоровел, расскажи, где твой «страховой полис» и паспорт. Мне историю болезни заполнять надо по документам, а не по воспоминаниям о прошлой жизни.

– Нет у меня документов, украли. А кому вы звонили только что?

– Участковому. Ты же с отравлением поступил. Врачи при поступлении, извещение отправили в полицию.

– Вы же сами сказали, что инфаркт. Причем здесь полиция?

– Инфаркт, по бумагам, а сам ты мне ночью говорил, что тебя бандиты из девяностых убить хотели.

– Не было такого, – отрицательно покачал головой больной. – Я не знаю никаких бандитов. У меня сердце прихватило на Тверской.

– Сердце, так сердце, кто же спорит. Руку давай, капать будем.

– А это что за флаконы?

– Физраствор и лекарство для восстановления памяти. Ты же хочешь вспомнить, кто и когда у тебя отобрал паспорт и страховое свидетельство?

Мужчина не ответил, но теперь он уже был уверен на сто процентов, что в эту больницу попал не случайно. Он узнал медсестру по голосу и манере говорить.

Виолончелист в черном смокинге

Жгучий брюнет в черном смокинге с бабочкой на шее шел по московской улице. В руках он держал футляр с виолончелью. Инструмент был тяжелым и дорогим. Музыкант нес его, как хрустальную вазу, оберегая от случайных столкновений с беспечными гражданами и кривыми деревьями, нависшими над тротуаром. На вид ему было лет тридцать. Навстречу мужчине по узкому тротуару шла толстая неопрятная старуха. Музыкант попытался обойти ее, но, не рассчитав объемы препятствия, больно ударил женщину виолончелью.

– Куда прёшь, злодей! – заорала старуха. – Понаехали тут, порядочным людям пройти невозможно!

– Извините, – не останавливаясь, буркнул под нос музыкант. Слово «злодей» его не обидело. Длинный горбатый нос и вытянутое узкое лицо делали музыканта похожим на театрального Мефистофеля.

– С такой рожей и в музыканты, вообще стыд потеряли! – продолжала орать старуха. – Да я б не то, что на сцену, я бы на улицу не выходила с таким носом.

Тем временем мужчина прошел мимо стены Цоя, свернул

в один из арбатских переулков и бесследно исчез.

Не менее интересным оказался и второй мужчина, который минут через десять появился у той же самой стены. На вид ему было за шестьдесят, среднего роста, с небольшим пивным животиком в дорогом сером костюме. Из украшений на нем был только золотой крестик на тончайшей золотой цепочке. Мужчина, настороженно оглянувшись по сторонам, и, бросив взгляд на часы, стал изучать рисунки и надписи на стене. Одна из них несколько озадачила бывшего секретаря ЦК комсомола Егорова. Через всю стену неизвестный автор большими буквами написал о том, что «Цой-жив!». Нет, к Виктору Цою, который тридцать лет назад требовал перемен, у господина Егорова претензий никогда не было. Да и к демократам в бандитские девяностые он относился положительно. Егоров называл их массовой, которая помогла небольшой группе товарищей из ЦК прибрать к рукам всю комсомольскую собственность в Москве, на Кавказе и в Крыму. Крымскую, правда, потом пришлось вернуть секретарю обкома Андрею Семченко и его боевой подруге, королеве подвалов Марго, зато остальное добро оказалось в надежных руках Егорова и его столичных коллег.

О своем комсомольском прошлом Егоров вспоминать не любил и все попытки журналистов раскрутить бывшего секретаря ЦК на откровенный разговор, заканчивались вы-

зовом охраны. А вот сегодня рядом с ним не было ни охраны, ни личного водителя, и если бы журналисты узнали о посещении Егоровым Арбата, то они непременно забросали его вопросами о перестройке и приватизации госимущества. Но эта встреча готовилась в строжайшей тайне, что и дало возможность господину Егорову без лишней суеты получить в висок свои семь грамм свинца. Бесшумный выстрел из снайперской винтовки раздался ровно в 12 часов.

Потом у стены Цоя появилась полиция, «скорая», ФСБ и личная охрана господина Егорова.

Клиническая смерть

Барский обреченно смотрел на падающие в систему капли. Неожиданно у больного закружилась голова, и он полетел куда-то вниз, в пропасть.

«Надо дернуть за кольцо и раскрыть парашют», – подумал мужчина, но ничего не сделал для своего спасения.

Потом он оказался в длиннющем черном тоннеле. И летел уже не вниз, а параллельно земле. Вдоль стен висели лампочки, но они не горели. Минут через пять он вырвался из темноты и увидел горящий факел. Один, другой, третий. И тут дорогу ему преградил сержант с карабином в руках.

– Стой! Стрелять буду! – громко крикнул сержант, направляя на него ствол карабина.

– Стреляй! Я из «инфарктной» палаты, – сообщил Барский.

– Значит, ты уже готов к исповеди?

– А ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать? У входа в рай меня должен был встретить седой старик с бородой. Я

его на картине видел, – возмутился больной.

– Ты же атеист, грешник. Тебе в рай не положено, – радостно сообщил сержант. – Я тебя сейчас пристрелю, и мы навсегда закроем тему.

– С каких это пор у входа в рай расстреливают тех, кто пришел к ним сам?

– Я часовой, лицо неприкосновенное, – сообщил сержант. – И убить тебя должен был еще при твоей жизни, но не смог.

– Струсил? – уточнил больной. Разговор с часовым в советской военной форме ему не понравился.

– Да, – я не смог выстрелить из этого карабина, – зло крикнул сержант. Если бы тогда я убил тебя, то все было бы иначе.

– И за что ты меня хотел убить? – спросил Барский.

– Ты девушку у меня увел.

– Из-за бабы мужика убивать? Глупо, – больной внимательно посмотрел на сержанта, но так и не вспомнил, кто он и откуда. – Ты, хоть, скажи, как ее звали. А то умру

и не узнаю, из-за кого пострадал.

– Ее Матильда звали, – сообщил сержант, передергивая затвор.

– Хорошо, хоть не Наташа, – чему-то своему улыбнулся Барский. – В Турции все русские бабы «Наташи». Не было у меня Матильды. А Наташи были. Может, ее Наташа звали?

– Нет, Матильда, – стоял на своем военный.

– Ошибочка вышла, сержант. Ты все перепутал. Не знаю я никакой Матильды. И тебя первый раз вижу! – повысил голос Барский. Его утомил этот пустой разговор.

– Матильда – моя жена, – неожиданно признался сержант. – Перед смертью она клялась, что ты у нее был первый. Из-за чего я был обречен воспитывать твоего сына.

– О покойницах – только хорошее. Всему вас, дураков, учить нужно.

– Это не она, я умер. Матильда теперь вдова, плачет по мужу, потому что изменила мне. Она так и сказала, если б не гуляла до замужества, то в нашей жизни всё было б иначе.

Сержант поднял карабин и нажал на спусковой крючок. Пуля пролетела рядом с больным, но в него не попала.

– Придурок, левее надо было брать, левее! На моем карабине прицел сбит, – крикнул Барский, вырывая из рук сержанта оружие. И в этот момент он услышал голос того, кто должен был встретить вновь прибывшего у ворот рая. Это были раскаты грома, временами превращавшиеся в слова.

– Я даю тебе шанс, – гремел невидимый создатель. – Шанс, всего один шанс! Вернись и исправь всё!

– А что исправить-то? Я, вроде, правильно жил. Государству не изменял, на демонстрациях портреты генеральных секретарей носил, а вера в бога у нас была запрещена. За крестик на шее могли и в психбольницу на лечение отправить. Так, что я должен изменить на земле, чтобы мне и после смерти жилось не хуже?

Но ответа не последовало. Лишь где-то вверху громыхнул, уходящий вдаль гром и сверкнула змея-молния. Она подошла к земле, и Барский, спасаясь от огня, бросился в черный тоннель.

Потом больной летел куда-то вниз, распугивая выстрелами из карабина огромных крыс. Ему казалось, что он летит

уже целую вечность. Неожиданно в конце тоннеля мужчина увидел яркий безжизненный свет и преследующую его черную тень. Барский обернулся. Вслед за ним летел скелет человека с черными отверстиями вместо глаз. На нем была военная форма, но не такая как у сержанта.

Больной попытался определить род войск, в которых служил преследовавший его военный, но сделать это не успел. Его отвлек голос соседа по койке.

– Я же говорил, что он станет четвертым. Четвертым покойником за последние сутки на этой кровати. Костя, давай мандарин, я выиграл.

– Погоди, надо врача позвать, пусть подтвердит официально, – отмахнулся от Василия Петухова толстый неповоротливый мужик с одутловатым лицом. Барский отчетливо видел мужчин сквозь железобетонную стену тоннеля.

– Не надо ничего подтверждать. Он умер, я выиграл! Давай мандарин, – размахивая руками, прокричал Петухов. – Договор дороже денег!

«Суки, они еще пари заключили. Выживу, убью всех, а первым, Петухова, – пронеслось в голове у больного. В этот момент где-то рядом сверкнула молния, и загремел гром.

Грохот был такой силы, что рухнула бетонная стена, которая отделяла мужчину от мира живых. – Неужели создатель и вправду дал мне шанс, чтобы я смог всё изменить и наказать тех, кто заслужил?!».

Убийство у стены Виктора Цоя

Полковник Геннадий Иванович Морозов на место происшествия приехал одним из первых, но красными корочками не размахивал и в работу следственно-оперативной группы местного райотдела не вмешивался. Он стоял в стороне и нервно раскуривал трубку. С трубкой в зубах Морозов был похож на известного литературного героя, но в отличие от Шерлока Холмса на его голове не было шляпы, и он не играл на скрипке. На вид Геннадию Морозову было около пятидесяти. В ФСБ ему поручали расследование самых запутанных дел. На этот раз Морозова подключили к поиску таинственного снайпера. Это было уже пятое «заказное» убийство крупных предпринимателей в Москве.

Минут через пятнадцать к полковнику подошел мужчина в кожаной куртке и фуражке «аэродром». Такие фуражки в конце девяностых носили в Москве жители солнечной Грузии, а в 2018-ом фуражку «аэродром» можно было увидеть на голове только одного человека «мандаринового короля» Мичуринского рынка. Мандаринами на рынке в свободное от основной работы время, «приторговывал» оперативник из ФСБ Андрей Козырев.

– Нашли ствол, – сообщил оперативник Морозову. –

Снайперская винтовка из первой партии, я сверил номер. Ствол в розыске с девяностых, его похитили в Чечне.

– Приметы, пальцы?

– Ничего. Как всегда, работал в перчатках. За три минуты собрал винтовку, прицелился, выстрелил и ушел. Стрелял из чердачного окна. Выстрела жители дома не слышали. Стрелка никто не видел. На видеозаписи один раз в кадр попал музыкант с виолончелью.

– Свидетели?

– Есть старуха, которая столкнулась с музыкантом на улице. Она его уродом называет. Ей запомнился длинный горбатый нос и золотые зубы, которые «пускали солнечные зайчики». Сейчас ее допрашивает следователь.

– Надо найти музыканта, изучить видеозаписи...

– Уже ищут. Полиция объявила «план-перехват», но это мимо денег. Музыкант ушел переулками, а там ни одной камеры. И телефон он с собой не носит. Не исключено, что недалеко от стены Цоя его ждал автомобиль. За двадцать минут до убийства в этом районе было угнано три иномарки.

– С этим понятно. Что с потерпевшими? – спросил полковник.

– Пятеро убитых – олигархи из третьего ряда.

– Это как?

– Долларовые миллионеры, но не из тех, о ком пишут газеты. Дачи, квартиры, охрана, крутые тачки присутствуют, но они ничего не решают, в политику не лезут и что самое интересное, друг с другом не знакомы. Во всяком случае, о каких-либо контактах погибших за последние двадцать лет неизвестно. Есть, правда одна деталь. Все пятеро выходцы из комсомола.

– Это не аргумент. Меня тоже по комсомольской путевке в органы направил горком.

– Все погибшие в 1991 году работали в аппарате ЦК ВЛКСМ.

– И что из этого? – продолжил пробивать версию «на слабо» полковник. – В аппарате ЦК работали сотни сотрудников.

– Эти пятеро занимались приватизацией комсомольской

собственности и хорошо поднялись на этом деле.

– Притянуто за уши. Тридцать лет прошло. Если б у них были проблемы с поделщиками, то под раздачу попали пятнадцать лет назад.

– Почему через пятнадцать?

– Потому что тогда больше пятнадцати никому не давали, даже за убийство. Их бы убили пятнадцать лет назад. Здесь работает кто-то другой. Приватизаторов оставь в покое.

– И Рыжего, который помог им приватизировать комсомольскую собственность?

– У чиновника, которого ты некстати вспомнил, есть фамилия, имя и должность. Весьма высокая должность, – недовольно поморщился полковник. – И он не при делах. Во всяком случае, к этим убийствам он не причастен. И еще, мне не нравится кличка Рыжий.

– И как же его шифровать?

– Я бы назвал его Золотой. Умнейший человек и к тому же демократ с большой буквы.

– Золотой, так Золотой, – не стал спорить Козырев. – Так вот, ваш демократ с большой буквы был знаком с убитым секретарем.

—Ты Егорова имеешь в виду?

– Так точно!

– И что это меняет? Я был знаком с тобой по работе.

– Если бы меня убили, то вас первым дернули на допрос. Классика жанра.

– А я ничего о тебе не знаю. Жгучий брюнет с усиками а-ля Джугашвили и замашками Сталина. Фуражка «аэродром», прикидывался грузином, не женат, торговал мандаринами на рынке. Кличка «Мандариновый король» Мичуринского рынка.

– Я же по заданию, – не на шутку обиделся оперативник. – Сами послали, а теперь издеваетесь. И фуражка эта не моя.

– Я тебе ее напрокат дал, а официально, мы не знакомы. Ни любовниц твоих не знаю, ни бывших жен, ни рыночных подружек, которых ты делал счастливыми в кузове «КАМА-За». Думаю, что и Золотой не вникал в подробности. Таких

приватизаторов, как Егоров у него в кабинете были сотни, а то и тысячи. И через тридцать лет после распила комсомольской собственности он не станет никого «заказывать», а они что-либо ему отстегивать. Так, что Золотой не при делах. Насколько я проинформирован, сегодня нас послали сюда для того, чтобы мы снайпера нашли или у тебя другое задание было?

– Нет.

– Тогда работай по снайперу и корочки не свети. Эти убийства официально расследуют следственный комитет и полиция. Ты меня правильно понял, грузин с аэродромом на голове?

– Понял. Если найдем киллера, прокукарекаем, а если нет, скромно уйдем в тень.

– Не уйдем, а останемся в тени! Ты разницу в словах осознал?

– Да понял я всё, понял! Не было нас здесь, потому что начальство наше «висяки» не любит.

– Нет, Козырев, начальство у нас правильное. Оно киллеров не любит, которые бесконтрольно шляются по Москве

со снайперскими винтовками, а не «висяки» и «палки» в отчетах. Мы должны найти убийцу и уничтожить, чтобы другим неповадно было в центре Москвы живых людей убивать. Так, что ищи музыканта Козырев, но не зацкливайся. Ствол могли пронести на чердак дворники, слесари, сантехники. Они все время что-то таскают в руках: трубы, палки, метлы... Короче, займись «понаехавшими» по-взрослому. Своего человека пристрой в управляющую компанию, пусть послушает, о чем там говорят. Я бы еще проверил съемные квартиры в соседних домах. Снайпер мог там переодеться и выйти на улицу другим человеком без виолончели.

– Киллеру проще уехать на машине, тем более что камер наблюдения в этих переулках нет.

– Ты же сам сказал, что автотранспортом полиция занимается, твое дело съемную квартиру найти, – повысил голос полковник. – А еще, музыкальные школы проверь, театры, Дома культуры. Там на фото могут узнать знаменитого на весь мир виолончелиста.

– Сделаю, – кивнул головой Козырев.

В этот момент раздался звонок мобильного. Полковник, определив номер, сказал в трубку: «Докладывай».

– В 11 часов 30 минут Егорову кто-то позвонил из Крыма. Разговор длился одну минуту, после чего Егоров отправил на обед охранника и водителя, а сам через черный ход покинул офис.

Смертельный мандарин

Барский открыл глаза. В палате никого не было. Из радиоточки мужской голос требовал запретить фильм «Матильда» и сослать на Соловки Учителя.

«Привидится же такое», – подумал больной и стал убеждать себя, что все это ему приснилось.

Но тут он увидел рядом с собой старшину НКВД Василия Пронина из киевской расстрельной команды. Чекист был в форме, с револьвером в руках и такой же молодой, как на фото из домашнего альбома.

– Их надо было расстрелять с коммунистической ненавистью в девяностом году прямо на Арбате, а теперь, поздно. Они расплодились. Их сотни тысяч! Царей прославляют. Вечно живого из Мавзолея вынести хотят, – заговорил газетными штампами старшина. – И ты вместо того, чтобы продолжить наше дело, в «инфарктную» палату залег.

– А что вы предлагаете? Стрелять в бывших комсомольцев, которые несут всякую чушь про царя и Матильду? – указал на радиоточку Барский.

– Мне нравится ход твоих мыслей. Тебе дать револьвер? – потянулся к кобуре чекист. – А может, автомат?

– Зачем мне автомат?! Сейчас не девяносто первый, на каждом столбе видеокамеры висят. Засекут моментально, – возразил Барский. – Да и шума много от него. Это тогда показуху любили устраивать из каждой ликвидации, а сейчас всё по-тихому. Яду добавили в суши, и отъехал клиент от инфаркта в иной мир.

– Логично, – быстро согласился старшина. – Бери снайперскую винтовку.

– Для снайперской винтовки настоящий снайпер нужен, а я не знаю, кто я такой и что делаю в Москве?

– Я помогу тебе! У моих клиентов память восстанавливалась за минуту до расстрела. В глаза! В глаза смотреть! Не отворачивайся! Я верну тебя в 37-й год прямо сейчас! – старшина поднял револьвер и направил его в сторону больного. – В отличие от Козлова я стреляю без промаха! И прицел у меня проверенный. Приговоренных к расстрелу, убивал с первого выстрела!

– А меня за что?! Я не знаю никакой Матильду. И балерин у меня никогда не было, – голосом драматического ак-

тера произнес больной. – И в убийстве царя не участвовал. Это было до революции. Меня тогда еще и в проекте не было. Ты понимаешь, я из другого времени. Я свое отстрелял в девяностых.

– Вот, ты и признался!

– В чем?

– В убийствах. А я все время голову ломал, кто же это «сейлемовских» бандитов-рэкетиров кладет пачками из автомата? Двадцать могил на почетном секторе «Абдала» твоих рук дело?

– Ты сюда еще «греков» добавь и «башмаков». Все крымские «висяки» на меня оформи и тогда «Героя Украины» тебе президент посмертно даст.

– Ты же сам только что признался, что свое отстрелял в девяностых, – старшина поднес к голове больного револьвер.

Барский не стал ждать выстрела, вырвал из руки иглу, по которой к нему в вену поступало лекарство из капельницы, и выскочил из палаты.

Фальшивый музыкант в смокинге

Оперативник ФСБ Козырев с полковником Морозовым работал вместе лет десять и уже привык к его «нелогичным» приказам и указаниям. Иногда Морозов попадал в цель, и тогда они получали благодарности и денежные премии, но последнее время фортуна отвернулась от полковника, он провалил несколько громких дел. Теперь ему грозила почетная отставка, а самому Козыреву – командировка в «солнечную» Сибирь, о чем уже не раз намекал генерал Суслов.

– Не хочешь в Москве работать, поедешь в Томск и останешься там до конца службы.

Козыреву уезжать из Москвы не хотелось. Он уже привык к столичной жизни с ее театрами, хоккеем и ледовыми дворцами, но и идея со съемной квартирой ему не понравилась.

– Ну, не станет снайпер светить себя рядом с покойником, – бормотал Козырев, осматривая близлежащие дома. – Это же стопроцентное палево. Да я бы после выстрела бежал отсюда сломя голову. В конце концов, угнал бы автомобиль и проехал на нем пару кварталов до станции метро или вокзала. А там, ищи-свищи среди тысяч пассажиров.

Идея со съемной квартирой Козыреву казалась глупостью. Но приказ, есть приказ. Вначале к поиску съемной квартиры он хотел подключить местного участкового, но потом отказался от этой затеи.

«Участковый сдавать ФСБ свой „дом свиданий“ не станет. Он наверняка знает всех, кто занимается почасовой сдачей квартир. Знает, но молчит, потому что каждый из них отстегивает полицейским долю с доходов».

Козырев, осмотрев дома в «шаговой доступности» от того, где была обнаружена винтовка, сразу вычеркнул из списка два из них. Они были утыканы камерами наблюдения.

– Сюда ни один сумасшедший не пойдет, стопроцентное палево. А вот, старые трехэтажные развалюхи могли бы заинтересовать наемного убийцу.

Но входить в подъезд Козырев не спешил. Чтобы не запороть все дело, он представил себя в роли снайпера.

«За день до убийства стал бы тот ходить по квартирам? – прикинул Козырев. – Я бы не рискнул. Слишком много людей вспомнили бы потом приметы неизвестного. Значит, вместо себя надо было посылать другого человека или искать квартиру через Интернет. А что если спросить Алису?».

Козырев тут же достал из кармана смартфон, включил геолокацию и задал вопрос Алисе: «Кто в этом доме сдает квартиры посуточно?».

– Обратитесь в квартиру номер тринадцать или восемь. Пятьдесят долларов в сутки, а еще здесь сдают подвал для дворников и сантехников, – ответил механический голос поисковой системы «Яндекс».

– Алиса, скажи, кто-нибудь еще задавал тебе такой вопрос?

– Нет, ты был первым.

– Тогда и про мой вопрос забудь.

– Уже забыла, потому что у меня девичья память.

Козырев вошел в подъезд и позвонил в восьмую квартиру. Когда за дверью что-то загремело и упало, крикнул в замочную скважину: «Я по объявлению!».

– Вижу, не ори! Счас, открою! – послышалось из-за двери.

«Сейчас открою», растянулось минут на пять. Наконец,

загрели засовы и из полумрака на Козырева, дыхнул буряковым самогоном хозяин квартиры. Из одежды на нем были «семейные» трусы и давно не стирания майка.

– И чего надо? – громко икнув, спросил мужчина.

– Я бы хотел квартиру у вас снять на время.

– Два часа – пятьдесят баксов.

– А чего так дорого?

– Если дорого, вали отсюда.

– Я поторговаться хотел, – пошел на попятную Козырев.

– С бабой торговаться будешь своей, может и уступит, а у меня все четко: полтинник за два часа.

Козырев вытащил из кармана американские доллары и протянул их мужчине.

– Тебе что, прямо сейчас ключи отдавать?

– А что тянуть, деньги против ключей. И чтобы тихо все было. Никаких видео и фотокамер. Найду – убью!

– Не бойсь, я не по этой части.

После того, как хозяин прикрыл за собой входную дверь, Козырев стал методично осматривать квартиру. Искать следы виолончелиста он начал с прихожей, потом перешел в комнату, осмотрел шкаф, кровать, холодильник, зафиксировал отпечатки пальцев, но следов перчаток нигде не увидел. Ничего не добавил к расследованию дела об убийстве и осмотр кухни.

«Похоже, что и на этот раз полковник попал пальцем в небо. Ну, не станет убийца задерживаться в районе убийства для смены прикида. Я бы вообще на смокинг строительную робу надел в подъезде за одну минуту, а виолончель спрятал в рюкзак. Может, добавить в ориентировку мужика с большим рюкзаком? Почему бы и нет, это идея».

Козырев тут же набрал дежурного по ФСБ.

– Номер моего удостоверения 48190. «Козырный».

– Определил.

– Надо добавить в ориентировку по убийству на Арбате мужчин среднего роста от тридцати и выше с большими рюкза-

заками. В рюкзаке может быть футляр от виолончели. Под особый контроль взять станции метро «Смоленская», «Арбат», «Киевский вокзал».

– Записал. Выполняю.

«Работает ОМОН!»

В больничном коридоре в метре от двери стоял мужчина в черном смокинге с бабочкой на шее. В правой руке он держал тяжелую деревянную трость.

– Ты, кто? – осматриваясь по сторонам, спросил Барский.

– Консультант, – представился мужчина.

– Ты из похоронной команды? Вас сейчас в смокинги переодели, чтоб с другими не спутать. За мной пришел!?

– Вы меня не так поняли. Я тут проездом из...

Но Барский не стал выяснять, откуда он приехал в Москву и что делает консультант в больнице. Ему хватило несколько секунд, чтобы нанести мужчине три удара в голову. Первый удар пришелся в челюсть, отчего консультант выплюнул сразу четыре зуба. Затем последовали удары по затылку и в висок. Мужчина рухнул на пол и, потеряв сознание, забился в судорогах.

«Для начала неплохо, – услышал Барский голос старшины. – От такой „тройки“ он может и не подняться. И что бу-

дешь делать, если этот фальшивый консультант помрет?».

– Мне все равно, что с ним будет. Он сам виноват в своих проблемах. Не хрен подслушивать чужие разговоры. В девяностых таких «слухачей» убивали без суда и следствия.

– Молодца! – зааплодировал старшина. – Ты эту речь запиши для суда. Присяжные рыдать будут.

В этот момент степной гадюкой трижды зашипели потевшие часы над столом дежурной медсестры.

«Три часа дня», – отметил про себя больной.

«Пятнадцать часов, – продублировал в голове больного голос старшины НКВД. – Следаку скажешь на допросе, что у санитаров психушки правило есть, даже не правило, рефлекс. Они сначала бьют, а потом думают!».

– Это бред. Я всегда думал перед тем, как ударить, – тут же отреагировал больной.

– Значит ты не санитар психушки. А мужика в смокинге, откуда знаешь?

– Не знаю я его. Случайный пассажир. Стоял он здесь, вот

я и врезал.

—Тебе еще не надоело врать. Ты же в лице изменился, как увидел консультанта, – теперь реальный старшина в форме стоял рядом с Маратом и укоризненно смотрел на бездыханное тело мужчины.– Умрет бедолага! Печенкой чую, умрет! Признавайся, кто этот мужик и что он тут делал?

Барский молчал, потому что узнал консультанта. На полу без сознания лежал Волобуев, бывший сотрудник КГБ, специалист по «голубым» артистам, непризнанным гениям, поэтам и писателям клеветникам. Барский изучающе смотрел на свою жертву. Ему даже показалось, что он видел его у памятника Пушкину с газовым баллончиком в руках.

«А может, Волобуев и был той ошибкой природы, из-за которой создатель меня вернул на землю? – неожиданно осенило больного. – Из партии вышел в девяносто первом, Родину предал, служил в СБУ, участвовал в государственном перевороте в Киеве, может, добить его? Меня же создатель послал биографию исправить. Да я этого Волобуева сейчас одним ударом!».

«Лежачих не бьют, – прочитав мысли Барского, встал на защиту бывшего чекиста старшина НКВДе. – Он всего лишь исполнитель. Артист из массовки, такой же, как я, как

ты, и как все остальные в этом подлунном мире. Но в отличие от нынешних сотрудников органов, Волобуев боролся за идею и был одним из тех, кто прокладывает нам путь в светлое будущее».

«Еще один строитель коммунизма нарисовался, – пронеслось в голове у больного. – А может, ему вопрос задать: «Где обещанный коммунизм? И где то светлое будущее, о котором говорили генсеки с высоких трибун?»».

Но свои вопросы он задать не успел.

– И коммунизм мы построим, и светлое будущее, – прочитав чужие мысли, заверил больного Пронин.

– А мы это кто? Покойники!? Ты, я, Волобуев? – громко возмутился Барский.

– Барский, не важно, кто будет строить! Сейчас важно, кто первый выстрелит. И запомни, создатель даровал тебе жизнь не для того, чтобы убивать бывших сотрудников КГБ, – продолжил старшина. – Ты должен найти в Москве того, кто на Патриарших прудах несколько лет назад раздавал чужие визитки.

– И что было написано на этих визитках? – быстро пере-

ключился на новую тему больной. Он хотел знать о своем реальном предназначении.

– Там было всего два слова: «Воланд. Консультант», – сообщил старшина. – Его надо найти и убить!

– Воланд, говоришь?! Умираю от смеха, – с каменным лицом произнес Барский. – Ты эти дьявольские сказки оставь тем, у кого памятники Николаю второму мироточат. А я атеист. Ты меня понял, старшина, я не верю ни в бога, ни в черта, ни в дьявола. А может, тебе актер нужен, который роль Воланда сыграл в кинофильме «Мастер и Маргарита»? Так это я запросто. Его можно и из твоего «Револьвера» отправить к Создателю за то, что дьявола сыграл. Он же без охраны до сих пор ходит. Давай, командуй!

– Актера не заказывали. Тут, другие есть, похлеще! Я тебе потом список подгоню. Готовься, матчасть изучай. Девяностые вспомни. На консервных банках потренируйся, чтобы с первого выстрела.

– А теперь, вали отсюда, старшина! Надоел ты мне. У меня дела и романтическая встреча с дамой из прошлого.

Больной открыл дверь кардиологического отделения и оказался в длинном узком коридоре. В пяти метрах

от больного находилась шахта лифта. Неожиданно где-то внизу что-то заурчало, закрипело, раскрылись створки дверей и из лифта вышли двое мужчин. Первым покинул кабину плотный качок с приплюснутым боксерским носом и накаченной бычьей шеей. Следом за ним шел тощий высокий интеллигент в очках. Ему было далеко за пятьдесят. Увидев больного, качок неожиданно заорал: «Именем закона, вы задержаны!». Мужчина, явно играл «под полицейского».

Больной на эту команду реагировать не стал и с дебильной улыбкой на лице пошел навстречу «спортсмену». Ему показалось, что он уже где-то видел этого мужика. Только вспомнить не мог, где и когда.

– Ты, чо, придурок? Я сказал: «Стоять! Бояться! Работает ОМОН!», – проорал мужчина. И это были его последние слова. Больной, высоко прыгнув, ногой нанес ему сильнейший удар в челюсть. Второй удар пришелся по затылку, а третий, в висок. Этого оказалось достаточно, для того, чтобы «спортсмен», мгновенно потеряв сознание, пролетел три метра и закрыл своим телом доступ к лифту. А вот, его подельника больной вырубить не успел. Проявив небывалую прыть, незнакомец заскочил в кардиологию и закрыл входную дверь на крючок.

– Оставь его, пусть живет, – скомандовал старшина. – Нам

уходить надо, пока тут охранники не появились. На площадке у лифта камеры стоят.

Больного долго уговаривать не пришлось. Он тут же бросился к двери, над которой горела аварийная надпись «ВЫХОД».

Убийство в Симферополе

Полковник ФСБ Геннадий Иванович Морозов сидел за служебным компьютером и распечатывал фотографии с камеры слежения. В дверь постучали.

– Входи, открыто, – крикнул Морозов.

– Разрешите доложить, – вытянулся по стойке «Смирно» Козырев.

– Судя по солдафонской позе, докладывать тебе нечего. Или я ошибаюсь, неужели поймал снайпера на станции метро «Арбат»?

– Не поймал, он просочился.

– Двадцать восемь человек задержали с рюкзаками. Виолончель где, Козырев? Генерал сказал, что поедешь в Якутск. Там температура зимой минус пятьдесят и ни одного виолончелиста.

– Я на всякий случай. Он же выходил с виолончелью.

– Выходил. И через две минуты в доме, откуда стрелял

снайпер, наступил «конец света». Электричества не было четыре минуты. Кто-то на первом этаже вырубил в щитовой рубильник. А восстановил подачу электроэнергии отставной полковник-танкист с очень популярной в СССР фамилией Иванов.

– Когда я вошел в подъезд, лифт уже работал.

– А то, что видеозапись оборвалась на пять минут, видел?

– Нет. Я просмотрел до того момента, как музыкант вышел из подъезда.

– А дальше, почему не смотрел?

– Так доложить надо было...

– Классический пример тупого опера. Работаю на свою версию. У снайпера была винтовка, которую он спрятал в футляр виолончели. И всё! А дальше, ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу! А то, что убийца мог «зарядить» левого пассажира на прогулку по Москве с виолончелью в руках, не отложилось в пустой голове?

– Никак нет, товарищ полковник. А вы думаете, что музыкант это ложный след?

– Я ничего не думаю. Сыщику вообще думать противопоказано, потому что он должен собирать информацию, а не думать и фантазировать. У тебя было конкретное задание, ты зачем шмон в метро устроил?! Почему мне не позволил?

– Я думал...

– Я тебе уже сказал, что сыщик не думает, а выполняет приказы вышестоящего начальника, – перешел на крик Морозов. – И всё! Точка! Мыслитель Сенека нашелся. Ты на простой вопрос мне можешь ответить, кто и зачем выключил свет в доме, из которого стрелял снайпер?

– Так точно!

– Повторяю для тупых, меня интересуют факты, а не домыслы дилетантов.

– Так любой мог отключить свет в этом доме. Щитовая там возле лифта, она не закрывается. Общий рубильник справа внизу. Для того чтобы отключить свет, хватит тридцати секунд. Еще минута, чтобы выйти из подъезда.

– И зачем ты в щитовую полез? Ствол искал?

– На всякий случай. У лифта открытый железный ящик, почему бы не посмотреть.

– Будем считать, что ты искупил свою вину. Но если еще раз, без моего ведома, ты будешь давать команды дежурному, уедешь в Якутск. А теперь, слушай меня внимательно и шевели мозгами. За тридцать минут до убийства Егорову позвонили из Симферополя, после чего он отправил на обед водителя и охранника, а сам ножками пошел на старый Арбат к стене Цоя. Расстояние от офиса до Арбата Егоров преодолел за 18-ть минут. О чем это говорит?

– Наверное, о том, что его офис находится недалеко от места убийства.

– И всё?

– Так точно.

– Это значит, что организатор убийства знал точно расстояние от офиса Егорова до стены памяти Виктора Цоя. Но это еще не все, он был на сто процентов уверен, что Егоров не сможет отказаться от этой встречи. А теперь, вопрос, какая информация из Крыма могла заставить Егорова отправиться на Арбат пешком и без охраны? Вот, тут ты можешь

думать и фантазировать.

– Деньги. Из-за бабы он не стал бы так изгаляться. В его возрасте одноразовый секс можно получить и от секретарши не выходя из кабинета.

– Ты по себе судишь, Козырев. У Егорова денег немерено. Он долларовый миллионер!

– Был, долларовым миллионером, был, до того, как в него выстрелили. Я в Интернете покопался на досуге. Оказалось, он не такой простой был, как нам показался в день убийства. У него два пансионата на Украине с советских времен остались, квартирка пятикомнатная в Киеве и кое-что в Одессе.

– Я не расслышал, что там, в Одессе у Егорова?

– Четыре пионерлагеря за ним числились вначале девяностых. Сейчас там какое-то общество с ограниченной ответственностью, а персонал прежний, из тех, кто выжил. Может, ему по телефону напомнили о недвижимости в Одессе и в Киеве?

– В огороде бузина, а в Киеве дядька! А у остальных наших клиентов собственность на Украине тоже осталась?

– Не знаю, меня Егоров заинтересовал из-за прямой связи с золотым демократом. У Золотого говорят тоже на черный день по разным норам рассовано пол страны.

– Клеветцешь на лучших людей, наказать придется, чтобы нос свой длинный не совал, куда не следует, – возмутился полковник. – Я же печенкой чувствовал, что ты не отстанешь от него добровольно. А может, ты тайный коммунист и фамилия твоя Зюганов, а не Козырев?

– Нет, я точно такой же демократ, как Золотой, только без денег.

– А теперь, слушай мой приказ Козырев: Золотого забыть, как страшный сон и искать киллера, который собирается его убить! Ты меня понял: ЗАБЫТЬ и ИСКАТЬ!

– Можно и забыть, товарищ полковник, но мне наши бывшие коллеги кое-какие бумаги передали по поводу расстрела в Симферополе членов московского кооператива «Юрист». Так вот, у них, у тех, кто вел расследование этого дела в бандитские девяностые, сложилось убеждение, что заказчиком убийства был известный вам чиновник по кличке Рыжий.

– Во, как загнул, просто припечатал к стене, – возмутился полковник. – У них сложилось это, как его, убеждение, твою

мать. А чего ж они его не посадили? Почему закон нарушили?

– Ага, закон в девяностых, тогда Ельцин, что сказал, то и сделали. Он же парламент расстрелял в прямом эфире из танков, а Золотой у него доверенным лицом был, главным по коробке из под ксерокса.

– Это что еще за коробка с ксероксом?

– Она не с ксероксом была, а с американскими долларами. Но я не о том, говорить начал. Золотой и сегодня икона для таких, как вы. И трогать его не моги! Флажки кругом! Но есть люди, которые могут и тронуть!

– А отсюда в деталях.

– У расстрелянных кооператоров уже не только дети есть, но и внуки. Так вот, двое из них, отличники боевой и политической подготовки, чемпионы страны по биатлону.

– Сразу два?

– Так они братья-близнецы. Горячие точки прошли.

– Мне для полного счастья только близнецов не хватало.

Информация откуда?

– Из военкомата. Их к орденам представляли. Надо бы доложить начальству.

– Да генерал меня с этим докладом сходу пошлет! Была же команда к Золотому не лезть и приватизаторов оставить в покое. Тридцать лет прошло...

– Так я не против, полковникам и генералам виднее. Но есть одна маленькая деталь, об этих близнецах знаю не только я, но и те, кто в Москве вел дело кооператива «Юрист». Поэтому, на всякий случай, я рапорт составил для вас, а вы уж там сами без меня в «русскую рулетку» играйте. Стрельнут они, не стрельнут? Мне думать не положено.

– Так, рапорт оставил, свободен! О близнецах ни слова, и ни полслова. Я проверю твою писанину. Если, что не так, мало не покажется.

– А я ничего не утверждаю. Просто есть снайперы, и есть мотив для убийства, – тут же пошел на попятную оперативник. – Я даже извиниться готов перед героями африканских войн.

– Я сказал, свободен! – выскочил из-за стола полковник. –

Секретаря ко мне!

Через минуту в кабинете появилась дородная обстоятельная дама.

– Кофе, чай? – спросила женщина.

– Пригласи из экономического отдела Самойлова.

ЧП в палате инфарктников

– Ну, и где ваш больной? – недовольно спросил врач-кардиолог Иван Иванович Тараканов. Он и похож был на таракана своими черными, закрученными вниз усами. – Что вы панику подняли? Где покойник?

– Так он мертвый был, – удивленно осмотрел палату Петухов. – На кровати лежал под капельницей.

– И куда делся? – повысил голос Тараканов. У врача болела голова после вчерашнего, и он мечтал сейчас о бутылочке холодного пива. – Матильда, вы понимаете, что происходит?

– Нет, – собирая капельницу, произнесла медсестра. – Вхожу в палату – тишина, как на кладбище, и санитары из морга чего-то ждут. У них в палате радио, как в парикмахерской без перерыва надрывалось с утра и до отбоя, а тут тишина. Я думала, что санитары выключили, а они орать в два горла: «Зачем вызывали, если покойника нет? У нас заявок, как грязи, а мы тут, как два тополя...». И матом для связки слов.

– Надо милиции сообщить, – вмешался в разговор Петухов. – Это все покойник устроил. Вначале, он просил ме-

ня утихомирить горлопанов из радиоточки, которые запретить «Матильду» хотели. Неизвестный говорил, что покойного царя к балерине Кшесинской приревновала депутатша из провинции. А у царя с балериной свои шуры-муры были. Я так думаю, что он и радио унес, чтобы борцы за чистоту рядов народ поднять не смогли, на великую битву с Учителем.

– Какой учитель, какая балерина, какой царь, какое радио? Ты что несешь, Петухов? – схватился за голову Тараканов. – Ты мне можешь объяснить, кто в отделение санитаров из морга вызвал? Мне уже заведующий звонил, до главврача больницы дошло.

– Я сейчас всё объясню, – стал заикаться Петухов. – У нас из палаты кто-то унес радио на самом интересном месте. Эксперты должны были ответить на главный вопрос нашей жизни, было у Николая второго что-то с балериной или нет?

– Погоди, ничего не понял. Причем тут Николай второй и его балерины. Я спрашиваю, какой гандон сюда санитаров из морга вызвал? – подозрительно посмотрев на больного, заорал врач. – Кто звонил в морг?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.